



На черной от копоти стене явственно различался отпечаток чьей-то ладони. Ладонь какое-то время держалась, а затем поползла, поползла вниз, и след оборвался вместе с чьей-то задохнувшейся в ядовитом дыму жизнью...

Когда осенью на майдане начали «скакать», Роберт не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Начинающий юрист, только что закончивший институт, он был занят совсем другими проблемами. Да нешто всякий раз оборачиваться, когда на этом дебильном киевском танцполе очередная дискотека развернется? Сколько их уже за последние годы было! «Геть» да «геть»! Да не быдло мы, да не козлы. Насчет быдла и козлов можно, конечно, дебатировать, а вот, что бездельники стопудовые — факт. Ибо только бездельник может позволить себе роскошь месяцами скакать в центре любимой столицы, питаясь халявными печенюшками. Впрочем, самые большие мастера по части скакания — это именно козлы, так что зря открестились от родства.

В феврале месяце казавшиеся ритуальными «скачки» вдруг обернулись кровью и беспределом. Будучи человеком дотошным и натасканным на поиск фактов, Роберт внимательно разбирал, что же все-таки происходило в сатанеющей столице. А происходило нечто похабное и жуткое.

Сперва сукин сын Янок не изволил дать оружия парням из «Беркута». У Роберта в «Беркуте» приятель хороший был, Пашка, приезжал потом, уже уволившись, рассказывал, трясясь от негодования, как кинули их с дубинками — считай безоружных — против молодчиков с «коктейлями Молотова», битами и прочим добром, как те заживо

жгли их, а им и ответить было нечем. Даже водометов не дали — как же! Це ж дети, помэрзнут на февральской холодрыге!

Оружие лишь в последний день применять дозволили — да поздно! Уже и те оружием бряцали! И, презрев договоренности с властью, пошли толпой бить небольшой митинг «регионалов» (старичков и старух так отходили битами, что добро б всем выжить), а затем — палить офис правящей партии. Нет, само собой, большей части этой партии, начиная с Янока, место на нарах — в этом правовед Роберт был убежден. Но прийти, забить до смерти вышедшего из офиса клерка, а затем спалить здание с еще двумя сотрудниками, находящимися внутри... Даже и не верилось. Но Пашка настаивал, что было именно так.

С этого-то и покатило колесо по человечьему насту, позвонками похрустывая... Стычка, другая... И, вот, снайперы заработали — чьи, откуда? Леший знает! Пашка божился, что не их. Да и как могли быть их, коли и по ним же стреляли, как и по той стороне? Из одной точки по обеим сторонам, провоцируя! И ведь ни одна пуля не попала в какого-нибудь бешеного молодчика из «ПСов» или «Свободовцев». Так, в массовку, ни шиша не понимающую... В девчонку-медсестру, прибывшую на помощь раненому, которой горло пробило насквозь...

Раненые... Это, вообще, отдельная страшная страница. Если раненый «беркутовец» оставался «на территории противника», был утащен туда, «взят в плен» — пиши «пропало». Врагам поборники демократических ценностей помощи не оказывают. А иные еще и истязают беспомощную жертву. Одному пленнику выкололи глаз прямо перед камерой, и никто, ничто не дрогнуло в опьяневшей от крови и вседозволенности стае.

В конце концов, раненых затащили в Дом Профсоюзов, а затем этот дом... загорелся... Случайно или нет, вряд ли узнать когда. И сколько людей там погибло — не узнать также. Пашка знал точно, что именно в этом «крематории» нашел свою смерть его сослуживец.

Кстати, о крематориях. Это раньше захватывали телефоны и телеграфы. Новые революционеры захватили крематорий. И тот работал сутками на фоне бушующего безудержного грабежа, насилия, беспредела.

Янока, конечно, в тот момент в Киеве уже не было. Этот похититель меховых шапок в общественных сортирах, избранный украинским народом своим президентом, благополучно бежал, пока истекающий кровью «Беркут» еще защищал легитимность его презираемой без исключения всеми власти...

После победы Майдана Пашкане раздумывал — прихватил табельное оружие и пока суть да дело рванул в Крым, зная наперед, что этот анклав не позволит прийти восторжествовавшей в Киеве мегамразии на свою землю.

Пашка оказался прав. В Крыму и прежде-то не давали «баловать», даже флот НАТО-вский на свою территорию не пустили, а уж «поезда дружбы» от товарищей Яроша, Фарион, Тягнибока и прочих, звавших омыть русской кровью украинскую незалежность, и подавно.

Народ в Крыму поднялся быстро и массово. Заполнилась площадь Севастополя русскими флагами, и раздалось забытое, столько времени к забвению принуждаемое, а с той поры рефреном звучавшее, в единый глас народный слившееся: «Мы — Русские!» И, кажется, замерло все в ожидании — чья переважит, да какой кровью станет, да в какой срок?..

А прошло все неожиданно быстро, без сучка и задоринки. Референдум, возвращение в Россию, торжественная встреча в Кремле и ставшая знаменитой речь российского президента... Пашка звонил из Севастополя счастливый — он теперь российский гражданин!

Ветер крымской весны весь Юго-Восток овеял надеждой, разбудил, взбудоражил. Если Крым смог, то почему бы и нам не сделать то же? Не с этим же бандеровским отребьем жить! Хватит, нажились в чужой стране, пора и «до дому, до хаты» — в Россию! И хотя не сказать, чтобы прежде всем виделась современная Россия с ее властителями такой уж прекрасной страной, но сейчас ничего не хотелось вспоминать, что бы марало светлый лик замаячившей совсем рядом Родины, которая, кажется, сама протянула руки, позвала: бегите, дети, а я помогу, укрою...

Роберт, не без основания ругаемый друзьями и домочадцами «сухарем», хотя и разделял общее желание, но не выходя из своей колеи. Несколько раз он был, конечно, на Куликовом поле, но... Душа его еще не созрела для борьбы, и борьба эта казалась ему какой-то ненастоящей. В сущности, какие у нее перспективы? Одно дело, когда в Севастополе на площади весь город собрался, а в Одессе на Куликовом — сколько? Большинство горожан продолжало жить своей повседневной жизнью и тоже не было готово к борьбе. Сходить на референдум, проголосовать и вступить в состав России — пожалуй. Но бороться?

Осознавая это, Роберт смотрел на активистов Куликова, как на прекрасных чудаков, упорство и вера которых восхищают, но которые ничего не смогут добиться. Потому и не стоял с ними Роберт в

одном строю, а сидел в своей конторе, исправно оформляя юридические документы...

Как же он жалел об этом сейчас! Как же жалел! Вечером второго мая он, как обычно, завершил рабочий день, краем глаза успел увидеть в новостях, что футбольные фанаты подрались с кем-то из «куликовцев», но не придал этому значения (фанаты всегда дерутся), потому что спешил на свидание с Яной. Их отношения тянулись уже несколько месяцев и, хотя давно уже стали близкими, не налагали никаких обязательств на обоих. Роберта это вполне устраивало, так как он еще не чувствовал себя готовым к созданию семьи, не питал ни к кому серьезных чувств, а с веселой и беспечной Яной ему просто нравилось проводить время.

Ту проклятую ночь он провел именно с ней. Вино, легкий ужин, жаркие янины ласки... Он даже телефон отключил, чтобы никто не испортил приятного вечера и ночи. А едва включил утром, как раздался звонок, и обрывающийся голос матери сообщил, что «бандеровцы» разгромили лагерь на Куликовом Поле и сожгли Дом Профсоюзов вместе с пытавшимися укрыться в нем от расправы активистами. И что тетя Сима с дядей Лешей до сих пор не могут найти Юру и Иру...

Юра Лоскутов, музыкант и поэт, был лучшим другом Роберта со школы. Юрка, один из последних романтиков, веривших, что мир можно изменить Словом, стихами, конечно, был одним из самых горячих активистов Куликова с первых дней. Он почти безотлучно находился там, рисовал плакаты, сочинял песни, горел, как факел, освещая все и вся вокруг себя. Его нельзя было не любить, им нельзя было не восхищаться. Он не жил, он парил над землей, витал в одному ему ведомых горних высотах. А еще он по-детски трогательно любил Россию, и своих родителей, и друзей, и Иру... Ира была, наверное, самой прекрасной девушкой, какую когда-либо видел Роберт. Чистый ангел двадцати двух лет с сияющими звездами-глазами и чудной улыбкой. Они с Юркой, казалось, были рождены друг для друга. Две половинки, два лебедя высокого полета...

Ну и забава у людей —

*Убить двух белых лебедей!**

* Здесь и далее: В. Высоцкий. «Баллада о коротком счастье». Песня написана для кинофильма "Стрелы Робин Гуда".

Эта строчка Высоцкого преобильно резанула сердце уже в первый миг, но Роберт еще надеялся на лучшее, еще не верил в возможность такого ужаса. Мать успела сказать, что погибло не меньше полусотни человек, а дальше он уже не слушал, а мчался к Куликову — искать, спасать, помогать...

Но спасать было уже некого... Обугленный остов Дома Профсоюзов выглядел жутко, но еще жутче были глаза людей, чьих родных поглотила эта гигантская печь... Им еще предстояло тяжкое испытание — опознать в изуродованных телах тех, с кем еще вчера они прощались, не подозревая, что это — в последний раз.

Одна за другой всплывали из рассказов страшные подробности. Как футбольные «ультрас» из Днепропетровска, вотчины выроodka Бени, были спровоцированы на драку молодчиками, нацепившими георгиевские ленточки, но не снявшими красных шевронов «ПСов», как последние завели их в лагерь, как начался погром, в который, уже не скрываясь, влились фашисты. Как забивали битами тех, кто не успевал убежать, как жгли палаточный городок, как спасающиеся от избиения закрылись в Доме Профсоюзов. Как убийцы ворвались и туда, крушили топорами двери, за которыми искали спасения жертвы, а потом убивали их, экономя патроны. Как распылили какой-то ядовитый газ, а затем закидали Дом бутылками с зажигательной смесью, подожгли и несколько часов не давали подъехать пожарным, а несчастных, бросающихся из окон, добивали на земле...

Так, на земле, был до смерти забит семнадцатилетний студент. Его мать прибежала к горящему дому и умоляла убийц позволить ее сыну выйти. В ответ нелюди посмеялись: пусть попробует — получишь калеку. Она получила лишь растерзанное тело...

Когда же пожар окончился, убийцы вошли внутрь, чтобы заснять на камеры мобильных тела своих жертв и еще поглумиться над ними...

Казалось бы, это — предел кошмару. Но нет, зло не имеет предела. Волна ликования пронеслась от сетевых отморожков до высокопоставленных киевских узурпаторов. Они восхваляли «подвиг патриотов» и потешались над «жареными колорадами», «майским шашлыком».

И милиция арестовывала не убийц, а их уцелевших жертв, которые якобы подожгли себя сами...

Юру и Иру нашли лишь на следующий день. Они, как рассказывали, сидели на полу, обнявшись. Их тела почти не обгорели. Они просто задохнулись в пылающей газовой камере... Какие слова говорил

он ей в последние мгновения? Что отвечала она? Только Господь Бог слышал их, принимая чистые лебединые души в свои чертоги.

*Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.*

Однако и это не было последней каплей кошмара, в который обратилась в те дни жизнь Роберта. Просматривая со всей вьедливостью юриста многочисленные видеозаписи, выложенные в Сети, он наткнулся на сюжет о девушках, готовивших «коктейли Молотова» для убийц. Вот они — веселые, бодрые. Проворно и со знанием дела готовят мучительную смерть для людей, которых никогда не видели, которые ни им, ни кому бы то ни было не сделали ничего дурного. И вдруг среди этих смеющихся лиц промелькнуло... Роберт не поверил своим глазам, отмотал назад, еще раз, еще... Но видео упрямо показывало одно и то же лицо — лицо его родной младшей сестры Лили, которая все эти дни была молчалива и угнетена, что приписывалось естественному потрясению от трагедии...

Не помня себя, Роберт бросился в комнату Лили:

— Ты!.. Ты!..— заревел с порога, захлебываясь от ярости.

Сестра смотрела на него испуганными, затравленными глазами, вжимаясь в угол кровати.

— Я не хотела... Я не хотела...— залепетала она.— Я же не знала, что так получится... Что Юра с Ирой...

— Заткнись!— завопил Роберт.— Не смей произносить их имен! Юра с Ирой?! А остальные семьдесят человек, которых ты убила?!

— Я не... я не... убивала...— глаза Лили наполнились слезами.— Я только...

— Нет! Это ты! И твои подружки! Вы убили семьдесят человек! Вы... вы... Твари! Нежить!

— Не надо! Перестань!— вскрикнула сестра, заслоня ладонями уши.

— Сука! Убийца!— dokonчил свою тираду Роберт.— Будь ты проклята!

При этих словах Лили сникла всем телом, сползла с кровати и, как тень, скользнула мимо него, вжав голову в плечи, точно боясь, что он ударит ее.

Он не ударил, он словно окаменел и не двинулся с места, пока ее торопливые шаги и всхлипы не стихли на лестнице, а затем тяжело опустился на ее кровать, стиснув руками голову.

Лилька была младше его на восемь лет. Роберт любил ее, конечно, но никогда не принимал всерьез — маленькая сестра, ребенок и только. А надо было принимать, еще как надо! Особенно, когда стала она водить дружбу с этим «небыдлом-некозлом» в нацистских татушках. Только сейчас запоздало понялось, что это не дружба никакая была, а втрескалась девчонка по уши в урода. Может, уже и спала с ним... Ей, конечно, только шестнадцать, но в наши дни — дело обычное. Стало быть, все из-за этого ублюдка. Как там его? Стасик, что ли? Неважно. Окрутил малолетнюю дуреху, попросил пособить — бутылки зажигательные сделать. Понятно, не говорил, что людей жарить собираются — так, оружие самообороны. Разве ж могла дуреха любимому отказать? Разве думала, что делает, и к чему это может привести? Конечно, нет... Млеющая от каждого его слова, просто выполнила просимое.

А ведь он, Роберт, видел и Стасика этого, и как сестра на него смотрит, и не обращал внимания. Считал, что не следует мешаться в чужую личную жизнь, не будучи тем паче сам в ней образчиком. Донемешался... Юрист хренов! Судил-рядил о происходящем с приятелями за кружечкой пивка, да вон в Фейсбуке, а собственной сестре положение дел пояснить не судьба была. Мала еще — зачем ей? Ни разу не поговорил с ней серьезно, ни разу не поинтересовался, что у нее на душе и в мозгах делается. Все работа да приятели, да Янка-шалава (почему-то сейчас воспоминание о Яне было особенно неприятным) — нормальный современный деловой человек без «загонов» и «крайностей»: таким видел себя Роберт, таким нравился себе. А сейчас внезапно испытал к этому «нормальному человеку» жгучую ненависть.

Не он ли должен был заботиться о сестре, защищать ее, помогать ей? Не он ли должен был стоять плечом к плечу вместе с Юрой и Ирой и, если надо, погибнуть с ними? А он валялся в постели Яны, ни о чем не заботясь. «Нормальный человек», значит? Просто эгоистичная скотина...

И вот, какое право он имел так говорить с Лилей, будучи сам виновен в том, что с ней случилось, допустив это своим равнодушием? Никакого не имел... Скорей бы уж возвращалась она. Надо будет извиниться и, наконец, поговорить по-человечески. Матери обо всем этом знать, конечно, не надо. Незачем, чтобы еще и она страдала. И без того намучилась двоих детей поднимать после смерти отца, которого не стало через год после рождения Лильки.

Куда, кстати, убежала она? Уж не к этому ли своему?.. Или к подругам? Отчего-то на душе стало беспокойно, и Роберт, отступив от

собственного правила «не вмешиваться в жизнь сестры», стал обзванивать всех Лилькиных подруг...

Увы, ни одна из них ничего о ней не знала. Вечером с работы вернулась мать и, глубоко встревоженная исчезновением дочери, начала второй виток звонков с прибавкой больниц и моргов.

Уже чувствуя, что случилось что-то непоправимое, Роберт отправился на поиски сестры. Сжимая в кармане нож (времена-то какие), он обходил двор за двором, улицу за улицей, побывал на вокзале и набережной, но Лильки не было нигде.

Ее нашли утром. Повесившейся... В кармане у нее была короткая записка: «Я виновата. Я убийца. Я не могу с этим жить. Простите». Прочитав эти строки, Роберт почувствовал убийцей себя. Безмятежный мир «нормального человека» рухнул окончательно, рассыпался в прах. Он ненавидел себя и не находил себе места. Все, решительно все, отторгало его, гнало прочь.

Он не мог находиться дома, где зияла пустотой Лилькина комната, а в ней — ее фотографии, плакаты с импортными артистами, мягкие игрушки... В том углу кровати, где сидела она в тот проклятый день, теперь сиротливо жался большой белый медведь, ее любимец, которого Роберт выиграл для нее меткой стрельбой в тире. Когда Лильке бывало грустно, она сидела, обхватив его руками, уткнувшись носом в его голову. Роберту казалось, что и теперь она сидит так и смотрит на него затравленными глазами — как в последний раз...

Он сглатывал подкатывавший к горлу ком и спешил уйти. Он не в силах был видеть и убитую горем мать. На счастье из Херсона приехала тетя Клава, ее любимая младшая сестра, и взяла на себя заботу о ней.

Роберт не ходил на работу, избегал встреч с приятелями. Эти «нормальные» и «адекватные» люди теперь страшно раздражали его. Им все нипочем. Лишь бы работа, заработок — лишь бы их не трогали. Тронут! Непременно тронут! Всех... Когда-нибудь...

Случайно заведев на улице Янку (ее плещущее через край жизнелюбие и яркий наряд виделись оскорбительными в такие дни), поспешил перейти на другую сторону. Она — спасибо ей — все поняла правильно, не полезла с утешениями-соболезнованиями. Или, может, просто сторонила чужого горя, боясь, что оно и ее заденет, оберегая свою бесстыжую радость жизни?.. Не так ли, бывало, поступал и он сам?..

Все гнало его прочь из родного дома, с родных улиц, из родного города... Да и город-то точно иным стал. Прежде шумливый и весе-

льный, он затих теперь, в испуге ожидая, что же будет дальше. Этим страхом пропитались, кажется, сами стены... Перешепот: выживших ищут и добивают... Слухи ползут один другого страшнее. А те, что убивали, и сами вот не отваги полны. Слияли из города тайком. Стасик тот же... Страх, тишина, пустота... С темнотой уже редко кто отваживается выйти из дому, а ведь на дворе май — самая лучшая пора для прогулок, свиданий и прочей прекрасной ерунды, оставшейся в другой жизни. Пуста Потемкинская лестница, пуста набережная, одиноко взирает на свое детище Дюк, подле которого впервые не резвятся влюбленные парочки. Город в трауре, город пытается понять, как это именно в нем, славящемся своей веселостью и беспечностью, в 21-м веке, в мирное (казалось бы) время могла случиться новая Хатынь? И как с этим жить? И что делать?

Делать, конечно, ничего не будут... Кроме некоторых единиц, «подполья», которое ничего не изменит. Судьбе Юго-Востока не здесь решаться. Здесь обыватель слишком разнежен, расслаблен. А теперь еще и запуган до конца своих дней.

Люди, впрочем, каждый день шли и шли к Дому Профсоюзов, несли цветы, фотографии. Выродки по ночам норовили убрать их, даже сожгли крест на могиле одного из убитых: «Спокойно спать будете в России!»... Пришел на 9-й день после смерти Лильки и Роберт. Долго-долго ходил, узнавая места, виденные на фотографиях и видео. Вот, в этом кабинете отморозок сломал хребет женщине. Ее крики слышны были снаружи. Над ними смеялись, записывая на камеры. Одной «самкой колорада» меньше... Роберт уже знал поименно всех погибших, знал, кем они были и какую смерть приняли. Лица, лица, лица... Он долго стоял на месте, где нашли Юру с Ирой, зажег большую свечу, положил цветы. Он уже точно знал, что делать дальше. Если прошлая жизнь не позволяет тебе вернуться в нее, а на твоей душе лежит невыносимый груз вины, то единственный способ освободиться — бросить эту самую жизнь на алтарь чего-то, за что не стыдно умереть. Лишь теперь стало осознаваться, что и жить надо только тем, ради чего умереть не стыдно. Все, что не стоит смерти, и жизни не стоит. Это понимал своей чистой душой Юра. Это понимала Ира. И все, кто погиб здесь, понимали. И пошли до конца...

Матери о своем решении Роберт ничего не сказал, соврав, что, не имея возможности найти новую работу в Одессе, хочет попытаться счастье в России. Мать не возражала. Тетя Клава уговорила ее погостить у нее в Херсоне, и это было к лучшему. Однако, выговориться все-

таки хотелось. Долго ища, кому бы излить душу, Роберт отправился к Михалычу. Михалыч — старый рыбак, человек простой и грубый, но притом цельный и отличавшийся природным здравомыслием — был другом отца Роберта. Но после его смерти Роберт почти не встречался с ним. А вот теперь вдруг вспомнил о нем. Вспомнил, как часто в детстве «ходил» с Михалычем и его ребятишками в море, рыбачил. А потом занесся... Образованный человек, успешный молодой юрист, которому прочили хорошую карьеру. О чем ему было говорить со старым рыбаком? И вот появилось о чем...

Михалыч жил в крохотной комнатухе старого дома. Кроме железной, похожей на больничную, койки, стула, стола, сбитой собственноручно полки и старого, разохшегося сундука, в ней ничего не было. Но даже здесь все как будто пропахло рыбой, от духа которой Роберт поморщился.

Старик гостю не удивился:

— Седай,— кивнул на койку,— помянем.

Водку Роберт не любил, но помянуть — дело святое. Впрочем, это и не водка была, а что-то сильно худшее, от чего зарило в глазах.

— Слабак,— махнул рукой Михалыч.— Отец твой крепше был. О горе вашем знаю. Прости, что не зашел. Я, сам видишь, как бомж теперь, хоть и с крышей над головой. Сомневался, что тебе и твоей матери будет отрадно мою морду видеть. Рад, что сам пришел, вспомнил старика.

— Я попрощаться пришел,— сказал Роберт, уже оправившись от выпитого «зелья».

— Уезжаешь?

— Уезжаю.

— На войну?

— Как вы угадали?

— А я не угадывал. Я отца твоего знал. Мужик был. Хотелось бы, чтобы и ты в него пошел. А мужику сейчас место на войне. Я бы и сам... кабы не мои годы. А так — разве что Бовочку своего порешить тут,— старик нахмурился.— Знаешь ли, что Бовочка-то, падлюка, в фашисты записался? То-то! У Дома Профсоюзов был, да. С другой стороны! Я как узнал, сказал: «Я тебя, сучонка, породил, я тебя и пришибу, чтобы имя мое не позорил. Пусть оно и не славное, но честное!»

Роберт только рот открыл, не веря своим ушам. Бовочку, старшего сына Михалыча, он помнил хорошим, бойким парнем. Именно он, Бовочка, учил когда-то Роберта и другую «малышню» плавать. А теперь?..

— Правосек...— аттестовал рыбак сына непечатным словом, качая заросшей седым волосом головой.— Перед людьми стыдно, веришь? Что от моего семени этакая гадина выросла.

— Что же с нами случилось, Иван Михалыч?— тихо спросил Роберт.— Моя сестра готовила для них «зажигалки», ваш сын бросал их в здания... Мой лучший друг с невестой погибли там. А ведь мы же росли вместе, мы все были — одно! Мы учились в одних школах, говорили на одном языке, в наших жилах течет одна кровь, а теперь они убивают нас?!

— А нам ничего не остается, как убивать их, чтобы не быть убитыми, чтобы не позволить им убивать безнаказанно...

— Почему?

— Почему-почему... Потому что в одних дьявол вселился и гонит их бить, жечь, уничтожать... Тех, кому он еще не указчик. Нас.

— Вы разве верите в Бога?

— Да не то, чтобы... Сам понимаешь, нас воспитывали без всяких там... религий. Но вот в дьявола я, глядя на все теперешнее, начинаю верить. Не обошлось здесь без козлобородого, точно не обошлось. А раз он есть, так, значит, и Бог должен быть... Я-то уж вряд ли эту заковыку пойму, а ты поймешь!— Михалыч округлил красноватые глаза и пристукнул кулаком по столу.

— Почему вы думаете?

— Ты на войну идешь. Война тебе и ответит. А ты мне расскажешь, ежели живой вернешься, и ежели я прежде того не помру. Обещаешь?— старик лукаво прищурился.

— Обещаю, Иван Михалыч.

— Ну и добре. Поезжай с Богом. Предложил бы я тебе на посошок накатить, да вижу мой самогончик тебе кишки шибко жгет. Ступай, Робочка. Войей честно и вертайся с победой. А я постараюсь тебя дожидаться.

С этим напутствием и покинул Роберт родной город, захватив с собой лишь деньги и смену белья. «Тебе бы снайпером быть!» — сказал когда-то хозяин тира, где он выиграл медведя для Лили. Снайпером или не снайпером, но за всех погибших, за Юру, за Иру, за сестру он этим гадам отплатить сумеет. А попутно, может, и самого себя на войне отыщет, и поймет что-то, что не дается пониманию «нормальных людей»...

